

На правах рукописи

Голованова Ольга Ивановна

**ТЮМЕНСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА 1782 – 1796 гг.
В АСПЕКТЕ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО И
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук доцент
Трофимова Ольга Викторовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Бурыкин Алексей Алексеевич
кандидат филологических наук доцент
Выхрыстюк Маргарита Степановна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Бурятский государственный
университет»

Защита состоится 23 декабря 2008 г. в ____ на заседании
диссертационного совета Д 212.274.09 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук в Тюменском государственном
университете по адресу: 625003 г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 325.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

С.М. Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена лингво-источниковедческому и текстологическому анализу памятников тюменской деловой письменности второй половины XVIII века.

Актуальность исследования. Тюменская деловая письменность представляет собой практически единственную форму закрепления на материальном носителе и отражения состояния общенационального русского языка XVIII в., локализованную в одной из российских провинций – в Тюменском уезде. Неопределима значимость ее изучения для восстановления историко-культурного портрета Тюмени и тюменского общества и определения их специфики в контексте истории Российского государства. «Тюменский» исторический текст фиксирует явленность языка в конкретной его исторической и национальной форме и, что очень важно, демонстрирует процесс его *формирования*.

Обращение к скорописным материалам мотивировано, прежде всего, недостаточной изученностью регионального материала. Введение в научный оборот новых транслитерированных источников позволяет хотя бы фрагментарно восстановить состояние русского языка и его функционирование в деловой письменности, проследить эволюцию и специфику отдельных функционально-стилевых, жанровых и текстовых образований.

Материалом исследования являются скорописные взаимосвязанные документы следственной части в области судопроизводства – тематические комплексы (следственные дела) из фондов Государственного архива Тюменской области. Внешняя характеристика привлеченных к анализу тюменских текстов свидетельствует об их неотъемлемой принадлежности к общероссийской документной системе. Информацию о региональной составляющей несет бумага, выпущенная в Тобольской типографии, и использованные печати, характеризующие административно-территориальную принадлежность учреждения и «авторского коллектива».

Материалом изучения послужили 15 транслитерированных автором диссертационного исследования и опубликованных в книге «Документы Тюменского нижнего земского суда 1782–1796 гг.» следственных дел, представляющих десятилетний срок работы Тюменского нижнего земского суда (1786–1796 гг.) (далее ТНЗС). Их количественный состав – 130 скорописных документов 15-ти жанров: очная ставка – 4; допрос – 44; повальный обыск – 10; обследование – 4; рапорт – 32; сообщение – 13; объявление – 4; объяснение – 1; справка – 3; наставление – 1; клятва – 3; доклад присутствию – 1; копия с журнала – 6; расписка – 3; подписка (в функции повального обыска) – 1. Общий объем – 420 страниц формата А4 скорописного текста.

Объектом исследования послужили документы из состава следственных дел, рассматриваемые как самостоятельные тексты в аспекте реализации в них жанровой модели делового текста, а также как вторичные тексты – составные части сверткста.

Предмет исследования – лингвистическая информативность и лингвистическая содержательность источников, а также языковые способы передачи коммуникативной ситуации и формирования вторичного текста в структуре текстовых объединений (сверткстсов), рассмотренных в жанровом и структурно-формулярном аспектах.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 14 годами и охватывают период правления Екатерины II с 1782 по 1796 гг. «Нижняя» грань – 1782 г. – соответствует началу административно–государственных изменений в Сибири (учреждение Тобольского наместничества, упразднение института воевод и др.), в частности в Тюменском уезде. «Верхняя» – 1796 г. – связана с упрощением системы учреждений, их централизацией и соответствует началу правления Павла I (1796–1801 гг.). Выбор документов данного периода для настоящего исследования обусловлен значительным перераспределением в эти годы центра тяжести управления из столицы государства на периферию вследствие проведенных реформ и, как результат, мощным притоком служащих в новые присутственные места, сформированные по сословному принципу, что несет с собой вовлечение в делопроизводственные процессы широкого круга новых адресантов – новую волну «умов», оказавших влияние на формирование деловой письменности, в том числе Тюменского уезда.

Цель работы – изучение тематических комплексов документов (следственных дел), сформированных в конкретном присутственном месте и ограниченных хронологически, как фрагмента жанровой системы русского документа; определение статуса текстов, составляющих следственное дело, и анализ их содержательных и формальных связей в структуре конкретного следственного дела.

Задачи исследования, направленные на достижение цели:

- 1) ввести в научный оборот ранее не исследованные архивные документы, опубликовав тексты в соответствии с требованиями, предъявляемыми к документам такого рода; дать им археографический комментарий;
- 2) охарактеризовать локальную жанровую систему тематических комплексов – следственных дел Тюменского нижнего земского суда;
- 3) провести структурный и формулярный анализ документов. Выявить традиционные и «индивидуальные» составляющие в структуре следственного текста;
- 4) рассмотреть следственные дела ТНЗС как модель сверткста;
- 5) рассматривая конкретное следственное дело как систему взаимосвязанных текстов в единстве гиперсинтаксических связей, проанализировать текстопорождение вторичных текстов, их функционирование, особенности связи с текстами-источниками.

Показать языковые способы выражения первичной информации во вторичных текстах;

- б) дать представление о лексиконе тюменских следственных дел конца XVIII века;
- 7) воспроизвести факты исторической реальности и комплексно описать присутственное место – Тюменский нижний земский суд: его статус, структуру, функции, выявить особенности участия в общем документопотоке; восстановив кадровый состав ТНЗС, персонифицировать сложившуюся в нем языковую ситуацию.

Методы и частные методики исследования обусловлены спецификой предмета изучения. Цель, направленная на изучение следственных дел, может быть достигнута только при общем источниковедческом подходе, при котором: 1) документ в руках исследователя становится историческим источником; 2) описание текста документа проводится как анализ лингвистического источника со стороны его лингвистической информативности и лингвистической содержательности; 3) текст изучается как носитель информации о культуре человека и общества, о его правовых и административно-хозяйственных характеристиках, о зафиксированном в тексте документа государственном языке. Изучение внутренней формы документа, т.е. структурно-формулярный анализ, направлено на обнаружение клаузул, характеристику жанра документа как одного из составляющих элементов текстообразования. Текстологический анализ текста исторического документа нацелен на моделирование текстового пространства, в том числе вторичного текста, на раскрытие его коммуникативно-функциональных свойств в структуре текстовых образований (сверхтекстов).

В работе применяется комплексный подход, позволяющий рассмотреть корпус следственных дел как целостную систему документов; используются отдельные принципы сравнительно-исторического метода (отбор материала, прием экстраполяции и установления хронологии изучаемых фактов), описательный метод, историко-лексикологический метод, жанрово-стилистический метод, методика формулярного и клаузуального анализа, методика лингвистического анализа текста, отдельные приемы количественной характеристики и табличного представления результатов, а также элементы общенаучного метода типологизации, обобщения.

Научная гипотеза – сохранившиеся в провинциальных архивах историко-правовые источники – следственные дела XVIII века – фиксируют подвижность русской документной системы и демонстрируют процесс текстопорождения (в его юридическом и лингвистическом аспектах) итогового рапорта как прообраза современного обвинительного заключения.

Научная новизна и теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) впервые вводятся в научный оборот скорописные архивные документы, которые подвергаются теоретическому осмыслению и научному описанию, в том числе в виде указателей и словника;

2) доказывається, що слідственні справи як сукупність текстів в лінгвістическому аспекті представляють собою свертексти, аналіз яких демонструє процес текстопородження в діловому російському мові XVIII століття;

3) сопоставительний аналіз вторичних текстів і текстів-джерел дозволяє відкрити закономірності побудови вторичних текстів, а виявлені відмінності розглядаються як проявлення варіативності – одного з шляхів формування російського літературного мови;

4) транслітерованний і опублікований фактологічний матеріал являє собою фрагмент жанрової системи ділової писемності досліджуваного періоду (в тому числі в регіональному аспекті), в контексті якого виявляється нова ступінь в становленні сучасного обвинительного висновку (рапорт, обслуговуючий слідственну частину, в функції «екстракта»);

5) значительная часть рукописных текстов в результате сопоставления почерков получает своего персонифицированного «автора», что дает возможность изучать проблему авторства исторического делового текста в условиях текстопорождения коллективным субъектом речи.

Практическая значимость работы заключается в следующем:

1) вводимые в научный оборот следственные документы пополняют фонд транслітерованних текстів в зборі тюменської ділової писемності, що відновлює окремі прогалини в визначенні складу і статусу «сибирського» ділового тексту як в регіональному, так і в російському масштабі;

2) новий лексический матеріал може поповнити картотеки історических і діалектних словарів, в тому числі «Словаря російського мови XVIII століття»;

3) опублікованні документи можуть стати предметом вивчення істориків, джерелознавців, документознавців, спеціалістів в області держави і права. Відновлена по ним фрагментарно картина допоможе представити судопроцес і судопроцес в Тюменському повіті досліджуваного періоду;

4) розроблені конкретні формуляри документів можуть бути корисні в методическому аспекті при навчанні майбутніх архівістів, спеціалістів в області документознавства, документної лінгвістики, а також при атрибуції «спорних» архівних документів.

Положения, выносимые на защиту:

1. Следственные дела (тематические комплексы) Тюменского уезда 1782–1796 гг. представляют собой сложную систему документов разных жанров и разновидностей, различных по источнику возникновения, степени подготовки, ведомственной принадлежности, коммуникативной заданности, специфической текстовой модальности, с характерным типом взаимоотношений адресата-адресанта и формальной организацией текста, реализующую одну из моделей сверттекста.

2. Следственное дело как сверхтекст представляет собой хронологическую последовательность текстов, в которой «лингвистическим ядром» выступает копия с журнала, порождающая новые единицы сверхтекста и объединяющая их, а коммуникативной целью – формирование итогового рапорта, направляемого в вышестоящую инстанцию.

3. Общим для следственных является единое информационное пространство – Тюменский уезд, включающий волости и сопредельные территории. Формируют и реализуют стратегию создания сверхтекстов Тюменский нижний земский суд, а также подвластные ему структурные образования – волостные суды. Среди анализируемых следственных дел выделяются открытые сверхтексты (незавершенные, в силу «тупиковой» ситуации или технической небрежности составителей); закрытые сверхтексты; относительно закрытые сверхтексты (позволяющие при условии обнаружения дополнительных сведений проводить дальнейшее расследование).

4. Жанровая система русского документа во второй половине XVIII века продолжала находиться в состоянии нестабильности и «выбрасывала» на поверхность отдельные феномены. Таким феноменом в период 1782–1796 гг. можно считать рапорт, применяемый в следственной практике нижних земских судов в функции уходящего из практики экстракта¹ (прообраз современного обвинительного заключения): служащие ТНЗС вынуждены были «конструировать» для вышестоящей инстанции (Тобольского наместнического правления) некий «гибрид»: в композиционную рамку основного блока рапорта заключать весь следственный материал, форма представления которого является вторичной по отношению ко всем предыдущим документам.

5. Каждый жанр следственного материала имеет свою индивидуальную структуру и определенный формуляр. Анализ показывает присутствие документов: а) жанры которых имеют «жесткую» формализованную структуру и фиксированный лексический состав (например, рапорт); б) жанры с «подвижной» структурой (например, освидетельствование, очная ставка).

6. Проанализированная реализация модели вторичного текста (итоговые рапорты-экстракты) представляет собой текстовое образование, которое, оставаясь дериватом текста-источника, членом его «парадигмы», имеет статус самостоятельной единицы. Сопоставительный анализ вторичного текста свидетельствует о наличии традиционного (структурного) «вмешательства» в первичный текст и индивидуального («авторского»). В структурном отношении вторичные тексты независимы от текстов-источников, о чем свидетельствует их формулярный анализ. Прагматическая направленность итоговых текстов является следствием новой коммуникативной ситуации, возникшей в результате анализа составителем

---

¹ Ср. пример толкования из «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии Наук» в 1847 г.: «Экстрактъ из дѣла: зн. Выписка, содержащая в себѣ сущность всего дѣла, произведенного в судѣ» [СЦСРЯ 2001: 475].

первичного материала. В содержательном плане наблюдается их существенная зависимость от текстов-источников.

7. Вторичным текстам итоговых рапортов присущи свойства, характерные для всех вторичных текстов (вторичность, интертекстуальность, сходство/различие с исходным текстом, свертываемость/развертываемость). В качестве особенностей модели отмечается строгая коммуникативная рамка, в основной блок которой входят по принципу цитации от одного до нескольких десятков текстов-источников (в зависимости от конкретного состава следственного дела) в строгой хронологической последовательности. В связи с их направленностью в делопроизводственном потоке («снизу – вверх»), текстам итоговых рапортов свойственны свертываемость, систематизация, обобщения, выделение основной и устранение избыточной информации, а также лексические, грамматические и стилистические преобразования, которые сопровождаются графическими и орфографическими вариантами написаний.

8. Провинциальные составители деловых текстов «опасались» устной речи первоисточника, если в документе речь шла о смерти человека, и не брали на себя ответственности как-либо ее трансформировать: цитата во многих случаях выглядела убедительнее, чем пересказ. Поэтому информация, источником которой являлась устная речь свидетелей или подозреваемого, дублировалась, что, вполне вероятно, перегружало «обвинительное заключение» подробностями. Напротив, отсутствие погибших давало «автору» рапорта большую свободу и право свертывать первичные тексты, ориентируясь на принятые юридические законы, на установленные в обществе человеческие и моральные ценности.

9. Выявленные в ходе исследования различия и сходства языковых средств в первичных и вторичных текстах характеризуют процесс формирования языка русской нации, свидетельствуют о его нестабильном состоянии; вариативность при этом рассматривается как необходимый элемент эволюции.

Апробация. Отдельные положения диссертационного исследования были представлены в докладах и сообщениях на всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях («Словцовские чтения – 2004», г. Тюмень, 2004; «Славяно-русское духовное пространство Сибири», г. Тюмень, 2004; «Этнокультурное пространство региона и языковое сознание», г. Тюмень, 2005; «Словцовские чтения – 2005», г. Тюмень, 2005; «Славяно-русские духовные традиции в культурном сознании народов России», г. Тюмень, 2005; «Словцовские чтения – 2006», г. Тюмень, 2006; «Словцовские чтения – 2007», г. Тюмень, 2007; «Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры», г. Тобольск, 2007; «Русский язык и методика его преподавания: традиции и современность», г. Тюмень, 2007; «Проблемы лингвистического краеведения», г. Пермь, 2007; «Актуальные проблемы лингвистики», г. Сургут, 2007; «Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации», г. Тюмень,

2008). Материалы и результаты проведенного исследования изложены в 22 научных работах, включая издание «Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796 гг.)», состоящее из двух частей. Основные выводы были апробированы на заседаниях кафедры русского языка Тюменского госуниверситета, а практический материал применялся на занятиях в рамках курсов «Лингвистическое источниковедение» и «Основы палеографии и истории письменных культур» для студентов специальностей «Филология» и «Издательское дело и редактирование».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и научной литературы (301 позиция), а также четырех приложений: «Тюменский нижний земский суд сквозь призму архивных документов»; «Структурно-формулярный анализ документов следственных дел»; «Сравнительный анализ следственных дел»; «Процесс трансформации самоназваний и перформативных глаголов и глагольных сочетаний первичных текстов во вторичный текст».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, его актуальность, научная новизна; определяется объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи; рассматриваются методологические подходы к изучению скорописных документов как лингвистических массовых источников, указываются методы и приемы анализа; перечисляются положения, выносимые на защиту; определяется теоретическая, практическая значимость; дается характеристика источниковой базы.

В первой главе «**Деловая письменность XVIII века и проблемы её изучения в научном освещении**» деловая письменность рассматривается как одна из форм бытования национального языка, изучение которой имеет длительную историю и проецируется в различных концепциях ученых.

В первом параграфе «*Историография изучения скорописных документов*» внимание уделено истории изучения деловой письменности начиная с первых опытов реконструкции историко-культурного развития России по памятникам письменности (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, Г.Ф. Миллер). Деловую речь изучали М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, М.Л. Магницкий. Деловая письменность в ее истории исследована в исторической русистике начиная с классических работ А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, В.И. Борковского, В.В. Виноградова.

Целенаправленное изучение деловой письменности в XX веке (А.С. Лаппо–Данилевский и его ученики) было прервано в 20–е годы и возобновилось только в 1970–х гг. В 50–х гг. XX века не получила своего развития проблема рассмотрения языковой личности составителей и исполнителей деловых текстов, выдвинутая, в частности, В.В. Даниловым.

Информационным «взрывом» в этой области стали труды ученых, работавших в рамках лингвистического источниковедения (С.И. Котков, В.В. Иванов, С.С. Волков, В.Я. Дерягин, Е.Н. Полякова, Г.В. Судаков, Е.Н. Борисова, Н.И. Тарабасова, А.Н. Качалкин, И.А. Малышева и др.). Современный подход к исследованию деловой письменности заключается в переходе от структуралистского направления к антропоцентрическому изучению языка (Г.А. Хабургаев, М.Л. Ремнева, Т.В. Кортава и др.).

Деловая письменность изучается как в «территориальном», так и в аспектном направлении: Т.Я. Жарких (1953), О.С. Мжельской (1960), С.И. Котковым (1963), Н.К. Фроловым (1972), Г.А. Якубайлик (1973), Е.Н. Борисовой (1974), С.С. Волковым (1974, 1981), Е.Н. Поляковой (1983), Е.А. Колтуновой (1983), Г.В. Судаковым (1985), К.В. Горшковой (1987), В.В. Колесовым (1987), В.И. Хитровой (1987), В.И. Собинниковой (1987), А.Н. Качалкиным (1988), А.С. Гердом (1993), Л.Я. Костючук (1993), Ю.И. Чайкиной (1993), Т.В. Кортава (1998), Е.И. Зиновьевой (2000), Е.В. Ковалых (2000), М.В. Биньковской (2003), О.В. Бараковой (2003), Т.С. Калмыковой (2004), А.Г. Косовым (2004), Ю.А. Матаевой (2005), Е.Г. Ганьковой (2006), Н.В. Меркуловой (2006), О.В. Боярской (2007), Т.В. Красновой (2008), Е.Н. Ивановой (2008) и др. Сибирские деловые тексты представлены в работах Н.Н. Парфеновой (Бражниковой) (1982, 2005), Л.Г. Панина (1985), А.П. Майорова (2006), И.А. Малышевой (1997), О.И. Трофимовой (2002, 2007), М.С. Выхрыстюк (1999, 2008), Л.М. Городиловой (2004) и др. В рамках лингвистического источниковедения выполнены работы И.А. Малышевой (1997), Е.А. Сивковой (1999), Захаровой Ю.Г. (2002), А.П. Урсу-Архиповой (2005) и др. К настоящему времени уже более 20 лет функционирует Урало-Сибирская проблемная группа под руководством Л.А. Глинкиной. Тюменская деловая письменность представлена в диссертационных работах, монографиях и научных статьях Н.Н. Парфеновой (2001, 2005), М.А. Романовой (1975, 1995, 1998, 2000), Л.Э. Комаровой (2000), О.В. Трофимовой (2002), П.Г. Мизинковой (2004), Ю.В. Безбородовой (2005), В.С. Мордвинцевой (2005), Е.Ю. Сидоренко (2005).

Активизировалась публикация рукописных материалов, в том числе и сибирских: тюменские (сост. О.В. Трофимова, 2002; О.И. Голованова, 2008), забайкальские (под ред. А.П. Майорова, 2005), грамоты Антониево-Сийского монастыря (сост. О.В. Никитин, 2001), переписка Н.Н. Демидова с приказчиками уральских заводов (сост. Н.В. Викторова, 1992), материалы Богоявленской церкви села Утятского Курганского уезда Тобольской духовной консистории (сост. Р.И. Сысуева, 2003), «Травник XVIII века» (авт.-состав. А.П. Урсу-Архипова, 2003), материалы делопроизводства г. Тобольска (сост. М.С. Выхрыстюк, 2004), материалы челябинской деловой письменности последней четверти XVIII века (сост. Н.А. Новоселова, Е.П. Злоказова, 2004, 2005) и т.д.

В настоящее время актуален корпоративный подход к освещению проблем, связанных с изучением деловой письменности в общероссийском и региональном аспектах. Деловая письменность, сконцентрированная в

Тюменском уезде, занимала определенное место в системе российской деловой письменности. Выяснение ее статуса требует комплексного внимания ученых и формулирования обобщающих положений.

Во втором параграфе *«Общая характеристика русского языка XVIII века»* дается характеристика языковой ситуации XVIII века, констатируется переходный период от средневекового состояния к национальному типу языка: на смену древнерусскому, направленному на поиск «вечной истины», средневековому тексту-монологу приходит текст «нового времени», сопровождаемый эмансипацией человеческой личности и вторичными связями, нацеленный «не на образ, а на понятие и содержание» (В.В. Колесов).

В третьем параграфе *«Деловой язык и деловой текст XVIII века»* толкуются понятия «деловая письменность» и «приказный язык», «деловая письменность», «тексты делового общения», «деловой язык», «источники деловой письменности»; обращается внимание на понятия «норма», столь неоднозначно трактуемое в научной литературе в отношении исследуемого периода, и «вариативность», которое рассматривается как одно из проявлений и условий становления языка русской нации.

Исследователи единодушны в следующем: деловая письменность XVIII века имела общегосударственный масштаб циркуляции различных по своему коммуникативному назначению документов, обслуживающих различные области жизни. Она приобщала к культуре делового письма представителей различных социальных слоев общества, являясь частью русской культуры; эволюционировала параллельно со всей языковой системой XVIII века, отталкиваясь от приказной традиции и вбирая в себя элементы книжно-литературного узуса; имела свою сферу использования, свой статус, сохраняла и развивала жанрово-стилистические характеристики. Ученые фиксируют близость (но не полное отождествление) деловой письменности и народно-разговорной стихии, отмечают точность языка в русском документе XVIII века, его максимальную приближенность к реальной жизни, стилистически неоднородный характер, стандартизацию и формализацию, особую позицию субъекта речи (его обезличенность), который должен не только увидеть, но и обобщить и выразить содержание в формате документного текста.

В четвертом параграфе *«Проблематика исследований деловой письменности»* рассматриваются такие взгляды ученых на теоретические положения, как: статус, степень участия в формировании литературного языка, соотношение с народно-разговорной стихией, взаимодействие с церковнославянским языком, проблема «авторства» в условиях коллективного создания текста. Сложный характер понятия «деловая письменность» связан также с противопоставлением нормы языка центрального делопроизводства и регионального узуса деловой письменности. Рассматриваются различные периодизации истории деловой письменности как со стороны самого исторического процесса (О.В. Никитин, М.С. Выхрыстюк и др.), так и чисто лингвистической (А.П. Майоров).

В пятом параграфе «*Принципы классификации скорописных документов*» представлены различные варианты классификаций. Полифункциональность деловой письменности XVII–XVIII вв. имела следствием ее неоднородный коммуникативный характер, следовательно (в проекции на лингвистическое источниковедение), лингвистическую ценность. Сложность классификации, по мнению исследователей, состоит в том, что одна и та же разновидность акта могла использоваться в разных целях, один акт (деловой текст) мог включать элементы другого (Волков 1974; Качалкин 1988; Майоров 2006; Шепелев 1976).

Проблема классификации деловой письменности актуальна и для историков, специалистов в области дипломатики, источниковедения, документоведения. Лингвисты либо принимают одну из классификаций, предложенных источниковедами/документоведами, либо создают собственные классификации исходя из задач исследования. Так, Н.И. Тарабасова рассматривает документы по принципу «пишущий – адресат» (1964); С.И. Котков предлагает выделить в деловой письменности эпистолярную письменность, актовую и статейную письменность (1972); С.С. Волков исходит «из социальной значимости того или иного документа». С этой точки зрения деловая письменность может быть разделена на две группы: официально-деловую (общегосударственную, правительственно-административную) и частную (частно-деловую и эпистолярную)» (1974); А.Н. Качалкин делит документы на иницирующие дело и иницируемые по делу (1988). Признак отношения документов к предметной ситуации позволяет делить документы на правовые, административные, судебные. В работе также представлены взгляды на проблему классификации документов А.Д. Васильева (1977), А.И. Сумкиной (1981), Г.И. Багрянцевой (1986), В.И. Собинниковой (1987), Е.Н. Поляковой (1990), Ф.А. Хайдарова (1992), Л.М. Городиловой (1998), Т.В. Кортава (1998), А.П. Чередниченко (2002), О.В. Трофимовой (2002), А.П. Майорова (2006) и др. С учетом коммуникативной заданности документа Урало-Сибирская проблемная группа делит деловые тексты на три группы: 1) выражающие побуждение адресата к совершению каких-либо действий (решение проблемы, участие в каком-либо деле, совершение каких-либо действий); 2) информирующие адресата; 3) придающие юридический статус какому-либо событию (Косов 2004; Выхрыстюк 2006, 2008).

В реферируемой диссертации предлагается деление документов деловой письменности по функциональной направленности документов (в соответствии с позицией А.П. Майорова, О.В. Трофимовой и др.), предопределяющей своеобразие их лингвистической содержательности, в основе которого лежат принципы традиционной исторической школы.

В шестом параграфе «*Жанр в деловой письменности XVIII века*» рассматривается проблема жанровой принадлежности того или иного документа. Традиционно понятие жанра применяется к разным видам художественной словесности, но, по словам А.Н. Качалкина, «совершенно не используется по отношению к документу» (1988). Эти слова, с позиций

сегодняшнего дня, можно отнести к завершившемуся в 1980–е годы этапу лингвистического исследования документов. В настоящее время учет жанра документа становится практически обязательным. В работе представлены взгляды на жанровую проблематику Г.И. Багрянцевой, Л.А. Глинкиной, А.П. Майорова, О.В. Трофимовой, А.Г. Косова, О.В. Бараковой и др. В качестве основополагающего жанрового определения используется высказывание А.Н. Качалкина: «Жанром документа назовем класс документов, объединенных общей текстовой модальностью», т. е. отношением текста к действительности.

В седьмом параграфе *«Жанровая классификация документов следственных дел Тюменского нижнего земского суда»* проведенный анализ демонстрирует, что следственные дела включают в свой состав разножанровые документы: объявления, рапорты, очные ставки, допросы, освидетельствования, повальные обыски, справки, объяснения, клятвенные речи и т.д. – и требуют при анализе комплексного подхода не только с позиции лингвистической науки, но и со стороны юридической науки, исторического источниковедения, документоведения.

Исследование текстов следственных дел сопряжено со следующими трудностями: 1) со сложностью разграничения в них отдельных документов (допросы, очные ставки); 2) с присутствием в документе одного жанра текста другого жанра; 3) с замещением функций одного жанра другим (рапорт – экстракт; сообщение, построенное по формуляру допроса); 4) с несоответствием формуляра документа и его содержательной части (объявление по содержанию – челобитная по форме).

В работе предлагаются следующие подходы к классификации документов:

1) по жанровому признаку: а) документы, жанр которых уже сформировался: наличие самоназвания, выделенного в отдельный реквизит, четко выраженные структурные компоненты, наличие прагматической части основного блока, реализующей цель создания и т.д. (объявление, рапорт-отчет, рапорт, сообщение, копия с журнала); б) документы, формуляр которых находился в «процессе жанрообразования»: условно говоря, это «освидетельствование», «допрос», «повальный обыск», «очная ставка», «справка», «доклад», «расписка»;

2) по функциональному признаку: 1) документы специальной (следственной) документации: а) фиксирующие ход и результаты следственных действий (освидетельствование); б) фиксирующие показания свидетелей, потерпевшего, обвиняемого или подозреваемого, а также опрос обывателей о подозреваемом (допрос, очные ставки, повальные обыски); 2) документы общей документации – документы управления: а) распорядительные (копия с журнала, наставление); б) докладные (объявление, рапорт, доклад присутствию, объяснения); в) отчетно-исполнительные (рапорт-отчет и рапорт-экстракт); г) уведомительно-просительные (сообщения); д) удостоверительные (расписка); е) информационно-исполнительные (справка);

3) по ведомственному признаку: а) внутриведомственные: копии с журнала, рапорты–отчеты (условно), расписки; б) межведомственные документы: входящие в присутственное место (в ТНЗС) (объявления, рапорты, сообщения); исходящие из присутственного места, т.е. из ТНЗС (сообщения, рапорт-отчет);

4) по стадии подготовки: а) черновик (первоначальный текст документа, представленный, как правило, с исправлениями), играющий роль отпуска (вариант, остающийся в учреждении) в следственном деле (применительно к нашим документам – сообщение, рапорт в ТНЗС); б) оригиналы (окончательный вариант) (копия с журнала, освидетельствование, допросы, повальный обыск и т.д.);

5) по источнику возникновения: а) в основе – устная речь (допросы, повальный обыск, очная ставка); б) в основе – письменная речь: цитация одного документа в другом, ссылки на иницирующий документ (копия с журнала, сообщение, рапорт, выполняющий функцию экстракта);

б) по коммуникативной направленности, модальность при этом закреплена содержательной частью формуляра. Документы реализуют различную целевую установку: а) документы, выражающие побуждение к действию (объявление, рапорт-просьба, сообщение-просьба, копия с журнала). Их особенностью является наличие в тексте перформативов или перформативных сочетаний «приказали», «покорно прошу» и т.д. и зависимой системы примыкающих объектных инфинитивов. Объект характеризуется в аспектах возможности (объективной возможности), необходимости, желания и волевой направленности на совершение действия; б) информирующие адресата (рапорт-отчет, сообщение, роспись, реестр). Специфика их информативной модальности заключается в фиксировании положения дел, сложившегося в прошлом, поэтому тексты рассматриваемых документов характеризуются рядом лингвистических форм выражения фактора прошлого; в) устанавливающие юридический факт соответственно какому-либо событию (присяга, клятвенное обещание, допрос, очная ставка, повальный обыск). Участники коммуникации могут быть коллективными и личными, официальными и неофициальными, равноправными и неравноправными.

В седьмом параграфе «*Автор" делового текста*» проблема авторства рассматривается как одно из основных условий перспективного изучения делового текста XVIII века. Она формулируется в трудах ученых-лингвистов следующим образом: «соотнесенность в тексте государственного стандарта, канцелярских традиций и выучки конкретных составителей документа, перед которыми стояла, особенно в провинциальных канцеляриях, задача трансформировать устную местную речь в нормативный письменный текст» (Трофимова 2002); «вопрос о писцах связан прежде всего с решением проблемы, отражение чьей речи можно видеть в записях таможенных документов» (Малышева 1989). А.Н. Качалкин обращается к авторскому началу через самоназвание документов (1988) и т.д.

В большинстве текстов следственных дел, созданных в условиях коллегиального делопроизводства, имеется «коллективный» субъект речи, в структуре которого каждый реальный участник играл в коммуникативном акте свою, определенную должностными функциями роль.

Во второй главе «**Документы следственных дел Тюменского нижнего земского суда: палеографическая характеристика и структурно-формулярный анализ**» в первом параграфе «*Процесс формирования следственного дела*» раздела первого «**Следственное дело, формуляр, формулярник**» рассматривается следственная процедура, которая в каждом конкретном случае индивидуальна и зависима прежде всего от правовой концепции государства, и как ее результат – следственная документация, которую условно можно разделить на три этапа (начальный, основной и заключительный).

Во втором параграфе «*Палеографические и графические наблюдения над источниками*» анализируется внешняя характеристика документов следственных дел Тюменского нижнего земского суда (в связи с их введением в научный оборот), которая свидетельствует об их неотъемлемой принадлежности к общероссийской документной системе конца XVIII века.

В третьем параграфе «*Формуляр и формулярник*» рассматривается роль формулярников в процессе создания документа. Язык деловой письменности не был связан с кодифицированными источниками, а выверялся на материале формулярников, закрепившихся в практике присутственных мест; однако что именно представляли эти образцы, установить сложно, так как они являлись «руководством к действию» и постоянно находились в работе; поэтому поиск возможных образцов документов того или иного жанра – содержание перспективных исследований истории русского документа.

В фондах ГАТО автором обнаружены образцы внутренних документов для служебного пользования («*формы журнала^М и шнуровы^М книга^М*», всего 7 наименований), направленные из Тобольского наместнического правления при открытии Тюменского нижнего земского суда в 1782 г.: 1) журнал входящих документов, получаемых из правительства указов; 2) журнал входящих документов из разных присутственных мест (сообщения, от частных лиц доношения); 3) журнал исходящих в главные правительственные и в разные присутственные места сообщений; 4) настольный реестр входящих указов; 5) настольный реестр входящих документов (промемории, сообщения); 6) журнал заседаний, «протоколы»; 6) расходно-приходная книга; 7) журналы заседаний присутствия. Процесс ведения допросов, очных ставок, повальных обысков частично описывается в образце журнала заседаний, но форм составления документов не обнаружено, – вероятно, существовали лишь неписанные общие правила их составления.

Анализ литературы показывает, что в настоящее время не выработаны единые терминологические понятия, применяемые при формулярно-структурном анализе скорописного документа. В работе разделяются следующие положения: структура (композиция) документа состоит из блоков (композиционных) – законченных в смысловом отношении частей,

выполняющих строго определенные, экстралингвистически обусловленные текстообразующие функции. Выделяются в соответствии с традицией, начальный, основной (состоящий из казусно-мотивировочной и прагматической частей) и заключительный блок. Следовательно, формуляр – это последовательность блоков, состоящих из формул, определяющих модальное значение жанра. Элементы, образующие формуляр документа, т.е. формулы, состоят из постоянных компонентов (их совокупность составляет трафарет) и переменных, зависящих от конкретного жанра и обусловленных экстралингвистическими условиями, являются существенным признаком деловой речи.

В первом и во втором параграфах «Жанры «специальной» документации» и «Жанры общей документации» раздела второго «Структурно–формулярный анализ следственных дел» выявляются конкретные индивидуальные формуляры 15 жанров, особенности их структуры, рассматриваются постоянные и переменные составляющие, зависимые, в первую очередь, от цели составления документов. Специальные документы, применявшиеся в следственной практике ТНЗС в исследуемый период, – это допросы, повальные обыски, очные ставки, освидетельствования. Эти разновидности документов, несмотря на их длительную историю (ср. «пытошные», «расспросные» речи), «отстают» (в аспекте их формализации) от других делопроизводственных материалов и во второй половине XVIII века еще находятся в процессе жанрообразования. В связи с их устно-разговорной основой, составителям документов трудно «вставить» их в установленные трафаретами рамки письменного текста. В каждом случае приходилось решать частный вопрос, требующий индивидуального подхода как со стороны «следователя», так и со стороны фиксирующего показания.

Документы группы «следственных жанров» выполнены в соответствии с содержанием волеизъявляющих документов (копий с журналов) на основании инициативных документов (рапортов, объявлений). Следовательно, эти тексты внутри следственного дела (сверхтекста) представлены в ретроспективной проекции, а перформативные глаголы и глагольные сочетания в них – в форме прошедшего времени. Документы делятся на: а) фиксирующие ход и результаты следственных действий (освидетельствование); б) фиксирующие показания свидетелей, потерпевшего, обвиняемого или подозреваемого, а также опрос обывателей о подозреваемом (допрос, очная ставка, повальный обыск).

Конкретный формуляр «жанра» «Освидетельствование»:

начальный блок	основной блок	конечный блок

№ дела, документ	дата	место	основание	субъект действия	объект действия	действие	казусная часть	прагматическая часть	удостоверяющая часть	подписи
[VI. 2]	+	-	-	+	+	свидетельствовали и на оно ^М оказалісь	+	-	-	+
[IX. 4]	+	-	+	+	+	свидетельствовано и оказалось:	+	+	-	+
[XII. 4]	+	-	+	+	+	свидетельствовали и оказалось	+	+	+	+
[XIV. 2]	+	+	+	+	+	свидетельствованъ и оказалось	+	-	-	+

Конкретный формуляр «повального обыска»:

№ сл.дела	Начальный блок		Основной блок				Закл.блок	
	объект речи	перформатив	предмет речи (о ком)	к отношению закону	социальная характеристика	подтвержд. достоверности	рукоприложение	
[I.11]	+	повалны ^М о ^б ъявляе ^М	обыско ^М	+	+	+	показали самую правду	-
[I.13]	+	повалны ^М объявляе ^М	обыско ^М	+	+	+	в чем и по ^Д писуемса	+
[II.7]	+	повалнымъ объявили	обыскомъ	+	+	+	в че ^М и по ^Д писуемса	+
[IV.4]	+	повалны ^М показали	обыско ^М	+	+	+	в то ^М и по ^Д писуютца	+
[VI.6]	+	повалнымъ спрашиваны <...> и показали	обыскомъ	+	+	+	в че ^М j по ^Д писиются	+
[VIII.4]	+	повалны ^М <...> спрашиваны и показали	обыскомъ	+	+	+	в то ^М все и по ^Д писуютца	+
[IX.10]	+	подпискою объявили		+	+	+	в чем и утверждаютца	+
[XII.19]	+	повалны ^М показали	обыско ^М	+	+	+	в че ^М и по ^Д писуемса	+
[XII.20]	+	пова ^Д нымъ показали	обыско ^М	+	+	+	в че ^М и по ^Д писуе ^М ся	+

Документы жанров общей документации не являются специфически юридическими, но вводятся в следственную документацию в качестве необходимых для отчета, уточнения, запроса недостающей информации и т.д. Их наличие в следственных делах зависимо от экстралингвистической ситуации. Диапазон назначения также различен, ибо документы содержат как ретроспективные, так перспективные сведения.

К обязательным документам следственного дела относятся инициативные документы (рапорт или объявление), дающие основания для проведения всей процедуры расследования; копии с журнала, выражающие волеизъявление присутственного места, начинающего процедуру расследования; рапорт-итог (выполняющий функции экстракта),

направляемый в судебную инстанцию. В силу их различного применения документы общего делопроизводства делятся на: а) распорядительные (копия с журнала, наставления); б) докладные (рапорты, объявления); в) уведомительно-просительные (сообщения); г) удостоверительные (расписка); д) информационно-исполнительные (справка); е) клятвенные речи как свидетельства о некоем состоявшемся юридическом акте.

Конкретный формуляр жанра «рапорт»:

№	Начальный блок			Основной блок				Закл. блок
	форм. «куда»	форм. «откуда»	самоназвание	казусно-мотивировочная	прагматическая часть	скрепа	перформатив	рукоприложение
[I.1]	+	+	+	+	+	и о том	пре ^д ставляе ^м	+
[I.4]	+	+	+	+	+	-	пре ^д ставляе ^м	+
[I.15]	+	+	+	+	+	и	пре ^д ставляется	+
[II.1]	+	+	+	+	+	и	пре ^д ставляю ^т ся ... при семь репорте	+
[II.5]	+	+	+	+	+	при семь	препровожд ^{аю}	+
[III.1]	+	+	+	+	+	о чемь	симь и репорт ^и емь	+
[III.2]	+	+	+	+	+	которои	при се ^м ... пре ^д ста ^в ляетца	+
[III.5]	+	+	+	+	+	-	пре ^д ста ^в ляе ^т ца	+
[III.6]	+	+	+	+	+	-	предьствалетца	+
[IV.1]	+	+	+	+	+	того ради	поко ^р но пре ^д ставляю поко ^р но репо ^р тую	+
[IV.2]	+	+	+	+	+	при се ^м	представляю	+
[V.1]	+	+	+	+	+	при семь	пре ^д ставляетца	+
[VII.5]	+	+	+	+	+	того ради	представляеть	-
[VIII.1]	+	+	+	+	+	о чемь	покорно и пре ^д ставляю	+
[VIII.2]	+	+	+	+	+	при семь	представляю	+
[VIII.5]	+	+	+	+	+	о чемь	рапорт ^у еть	-
[IX.1]	+	+	+	+	+	о че ^м	репо ^р туе ^т	+
[IX.3]	+	+	+	+	+	при семь	предьствалю	+
[IX.11]	+	+	+	+	+	того ради	представляеть	-
[XV.2]	+	+	+	+	+	того ради	представляеть	-
[XI.1]	+	+	+	+	+	при семь	представляю	+
[XI.5]	+	+	+	+	+	того ради	предствалитца	+
[XII.1]	+	+	+	+	+	при се ^м	пре ^д ставляеть	+
[XII.3]	+	+	+	+	+	при семь	представляю	+
[XII.21]	+	+	+	+	+	того ради	рапорт ^{ом} донесть	-
[XIII.1]	+	+	+	+	+	о чемь	рапорт ^и е ^т	+
[XIII.2]	+	+	+	+	+	при семь	представляю	+
[XIII.4]	+	+	+	+	+	о чемь	рапорт ^{ом} доносить	-
[XIV.16]	+	+	+	+	+	которые	представляю	+
[XV.1]	+	+	+	+	+	того ради	покорно доносить	+
[XV.2]	+	+	+	+	+	при семь	представляю	+
[XV.4]	+	+	+	+	+	о чемь	си ^м рапорт ^{ом} доносить	-

В третьей главе «Тюменский деловой вторичный текст в структуре сверткста» в параграфах первом («Текст и сверткст»), во втором

(«Гипертекст») и третьем («Вторичный текст») раздела первого «Теоретические основы изучения текстовых образований» рассматривается понятие «текст» в широком понимании термина; в связи с общей тенденцией трактовки культуры как сложного семиотического образования в цепочке «текст – культура», приводится мнение исследователей Н.А. Купиной и Г.В. Битенской «о целесообразности выделения сверхтекста как особого культурно–системного речевого образования» (1994); рассматривается концепция Л.М. Майдановой: в границах цепочки «первичный текст – вторичный текст» выявляются разновидности вторичных текстов, обусловленные прежде всего интенцией автора и связанные с воспроизведением первичных текстов, диалоговым отношением с первичным текстом, завершением первичного текста (1994).

Параграф первый «Тюменские следственные дела как сверхтексты» раздела второго «Анализ текстов следственных дел» посвящен изучению следственных дел как сверхтекстов. Внимание акцентируется на факторах, которые обуславливают его цельность и связность: 1) специально организованная экстралингвистическая ситуация следствия, предполагающая 2) тематическое единство единиц сверхтекста (документов разной жанровой природы); 3) ограничение временных и пространственных характеристик, особенности которых формируют специфику хронотопа каждого следственного дела как реализации модели сверхтекста; 4) обязательная смена коммуникативных регистров и авторских речевых стратегий.

Если понятие «сверхтекст» соотносится с представлением об «идеале» следственного дела (его модели), то обращение к понятию «гипертекст» является результатом рассмотрения следственного дела как совокупности взаимозависимых и взаимообусловленных текстовых образований – документов разных жанров. Единство следственного дела как гипертекста является следствием центростремительности, – направленной в экстралингвистической ситуации на обнаружение истины, а в аспектах делопроизводства и текстопорождения – на формирование итогового рапорта (прообраза современного обвинительного заключения) – центростремительности устремлений «авторов» документов к воссозданию в тексте фрагмента внеязыковой действительности, рассмотренного сквозь призму правовой концепции государства и установившихся юридических норм.

Рассматриваемые следственные дела (в составе которых чрезвычайно важно наличие именно черновика заключительного рапорта) демонстрируют процесс отбора языковых средств выражения и мысли, и уровня абстракции, и цельности и связности следственного дела как гипертекста. Общим для всех изучаемых следственных является единое информационное пространство – Тюменский уезд. Формируют и реализуют стратегию создания сверхтекстов Тюменский нижний земский суд, а также подвластные ему структурные образования – волостные суды. «Лингвистическим ядром» следственного дела как сверхтекста выступает копия с журнала, порождающая новые единицы сверхтекста и объединяющая их.

Во втором параграфе «*Вторичный тюменский деловой текст в структуре гипертекста*» рассмотрены структурные преобразования первичных текстов, а также преобразования, характеризующие «авторское» начало, и вариативные написания.

Проанализированные в работе итоговые рапорты–экстракты представляют собой самостоятельные сложные текстовые образования с характерными свойствами, присущими всем вторичным текстам (вторичность, интертекстуальность, сходство/различие с исходным текстом, свертываемость/развертываемость). В качестве особенностей данной модели вторичного текста следует отметить строгую жанровую и коммуникативную рамку, в основной блок которой входят по принципу цитации от одного до нескольких десятков текстов-источников (в зависимости от конкретного состава следственного дела) в строгой хронологической последовательности. Прагматика итоговых текстов является следствием сложившейся новой коммуникативной ситуации, возникшей в результате анализа составителем первичного материала.

Сопоставительный анализ свидетельствует о наличии традиционного (структурного) «вмешательства» в первичный текст и индивидуального («авторского»). Отсутствие погибших (например, по время пожара в Больших Акиярских юртах) давало «автору» рапорта большую свободу и право «по собственному усмотрению» свертывать первичные тексты, ориентируясь на установленные законы и на принятые в обществе человеческие ценности. «Авторы» стремились излагать весь следственный материал последовательно, устраняли неоднозначно толкуемые фразы, ненужные повторения, многословие и т.д.

В третьем параграфе «*Отдельные замечания о словнике тюменских следственных дел*» анализируется фрагмент лексической системы в области судопроизводства, зафиксированный в издании «Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796)». Представленные в нем документы, помимо именника, содержат более 2500 нарицательных слов примерно в 90000 словоупотреблений. Количественный состав частей речи в словнике следующий: существительных – 1028, глаголов – 637, отдельно выделяемых причастий – 71, деепричастий – 98 (несмотря на то, что это могут формы одной и той же лексемы, напр.: *отправленный* и *отправить*, *приказанный* и *приказать*, *собрав* и *собрать* – но только: *роспивши*, *оборвавшись* и др.), прилагательных – 456, наречий – 120.

Анализируемые тексты содержат богатый материал для изучения их лексического состава. В них широко представлены тематические группы:

I. Общественно-политическая лексика: 1) юридическая терминология и лексика, связанная с судебной-правовой деятельностью: *беглый*, *виновный*, *допрос*, *закон*, *заседатель*, *колодник*, *кража*, *очная ставка*, *повальный обыск*, *свидетельствовать*, *суд*, *тюрьма*, *убийство* и т.д.; 2) названия документов и лексика, связанная с коллегиальным делопроизводством: *договор*, *купчая крепость*, *объявление*, *паспорт*, *рапорт*, *расписка*, *резолуция* и т.д.; 3) элементы административно-государственного устройства: *волость*,

городнические дела, губернский, деревня, земский суд, уездный, наместническое правление и др.; 4) выборные и назначаемые должности: *бургомистр, выборный, десятник, земский исправник, староста* и пр.; 5) денежные единицы: *ассигнация, деньги, копейка, монета, пятак, рубль*; 6) социальные группы населения: *государственный крестьянин, дворянин, мещанин, мужик, помещик* и др.; 7) национальный состав: *бухаретин, русские, сибиряк, татарин*;

II. Лексика, имеющая отношение к человеку: 1) физическое и психическое состояние человека: *беспамятство, болезнь, жизнь, мертвый*, и др.; 2) части тела человека: *бровь, брюхо, внутренность, волосы, кишки, кровь, лоб* и т.д.; 3) межличностные отношения: *вражда, драка, запретить, просить*; 4) члены семьи: *брат, дети, мать, жена, дядя* и др.;

III. Бытовая лексика: 1) одежда, ткани: *армяк, зипун, коты, куртка, плат, рубашка, сукно, тафта* и др.; 2) еда, питье: *бражка, вино, паужин, пиво* и пр.; 3) хозяйственные строения: *амбар, горница, дом, изба, конюшня, одноворка, подворье* и пр.; 4) предметы быта: *ведро, дровни, коромысло, оглобля, пошевни, топор, утиральник* и др.;

IV. Абстрактные отношения и формы существования: 5) время: *август, ввечеру, время, вскоре, вторник, год, до свету, закат, ночь, ныне* и др.; 6) пространство: *близко, вниз, вперед, дорога, расстояние* и др.; 7) движение: *выходить, доехать, пойти, поплыть, явиться* и пр.; 8) единицы измерения: *аршин, верста, каждогодно, фунт, четверик* и др.; 9) абстрактные понятия: *видимость, качество, малоимение, надобность, найдене, наказание, обвинение, основание, причина, проишбение, сходствие* и др.

Из 1028 зафиксированных в словнике существительных пятая часть (220 слов) – это отглагольные существительные, называющие действие, процесс, в том числе и вышедшие из употребления или вообще не входившие в состав общерусского языка: *водогрение, квартирование, поение, разграбление, печение, позволение, посидение, распубликование* и т.д.

Лексический состав текстов фиксирует общерусские, а также иноязычные слова: *казан, канцелярия, тафта* и т.д. При этом в следственных делах зафиксированы примеры употребления слова *экипаж* (заимствованное из франц. – *équipage*) в значении «движимое имущество», напр., «и те денги были в небольшомъ мешечке и тотъ ящичекъ былъ не изломанъ и никакого *экипажу* в нем не было».

Словник следственных дел содержит также слова с ограниченным ареалом распространения, т.е. диалектную лексику, напр.: *анбар, асечка, драница, желобье, козица, крышка, лагушка, разболакаться, ярманга* и др. Кроме того, словник зафиксировал оттопонимическую лексику, напр.: *акьярский, градотюменский, тобольский, червишевский* и т.д.

В Заключении подводятся итоги исследования, позволяющего вписать его в контекст современных исследований деловых документов прошлого как источников для изучения российской государственности, культуры и паспортизированной в функциональном, жанровом и локально–временном отношении – истории русского языка.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Голованова О.И. Вторичный деловой текст и его свойства (на материале рапортов из состава следственных дел второй половины XVIII в.) // Вестник ТюмГУ: Изд-во ТюмГУ. – 2008. – № 1. – С. 73–81.

Другие публикации:

2. Голованова О.И. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796 гг.): в 2 кн. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области / авт.–сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. – Тюмень: Мандр и К^а, 2008. – Книга первая: тексты. – 352 с.
3. Голованова О.И. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796 гг.): в 2 кн. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области / авт.–сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. – Тюмень: Мандр и К^а, 2008. – Книга вторая: указатели. – 204 с.
4. Голованова О.И. Тюменский рукописный текст XVIII в. как источник информации о государственном устройстве, жизни и быте Тобольской губернии // «Aus Sibirien – 2004»: науч.-информац. сб., – Тюмень: ИПЦ «Экспресс». – 2004. – С. 57–58.
5. Голованова О.И. Тюменские следственные дела второй половины XVIII века как исторический и лингвистический источник // Славяно–русское духовное пространство в Сибири: материалы XVII межрегион. науч.–практ. конференции: в 2-х ч. Ч.1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – 2004. – С. 37–44.
6. Голованова О.И. Следственное дело 1795 г. как историко–лингвистический источник // Словцовские чтения – 2004: материалы XVI Всерос. науч.–практ. краевед. конференции. Часть 1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – 2004. – С. 76–77.
7. Голованова О.И. Деятельность Тюменского нижнего земского суда сквозь призму архивных документов (XVIII век) // Словцовские чтения – 2005: материалы XVII Всерос. науч.–практ. краевед. конференции – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, – 2005. – С. 56–58.
8. Голованова О.И. Вторичный текст в структуре деловой письменности второй половины XVIII века // Славяно–русские духовные традиции в культурном сознании народов России: материалы Всерос. науч.–практ. конференции, посвящ. Дню славянской письменности и культуры. 24 мая 2005 г. / под общ. Н.К. Фролова: в 2 ч. Ч.1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – С. 56–61.
9. Голованова О.И. «Послепугачевские» следственные дела Тюменского уезда // Словцовские чтения – 2006: материалы XVIII Всерос. науч.-практ. краевед. конференции. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 65–67.

10. Голованова О.И. Документы о прохождении государственной службы (на примере послужных списков 1788, 1789 гг. из фонда И-10 «Тюменский нижний земский суд» ГАТО) // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы науч.–практ. конференции. Тюмень, 11 октября 2005 г. // под общ. ред. Н.К. Фролова: в 2 ч. Ч.2. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 35–40.
11. Голованова О.И. Вторичный текст и способы передачи первичной информации (на материале следственного дела конца XVIII века) // Актуальные проблемы лингвистики: сб. ст. по материалам науч.–практ. конференции 30 марта 2007 г. / отв. ред. Н.Н. Парфенова. – Сургут: РИО СурГПУ, 2007. – Вып. 1. – С. 73–83.
12. Голованова О.И. Скорописные документы Тюменского нижнего земского суда второй половины XVIII века как источник реконструкции истории волостных судов Тюменского уезда // Словцовские чтения – 2007: материалы XIX Всерос. науч.–практ. краевед. конференции. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – С. 74–76.
13. Голованова О.И. Тюменский регистратор Григорий Загорский: исторический персонаж и языковая личность // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры: материалы Всерос. науч.–практ. конференции (г. Тобольск, 29–30 ноября 2007 г.). – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. – С. 130–132.
14. Голованова О.И. Вторичный текст в контексте культуры делопроизводства (на примере следственного дела 1792 г.) // Русский язык и методика его преподавания: традиции и современность: материалы Всерос. науч.–практ. конференции 29–30 марта 2006 г. – Ч. 2. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – С. 16–20.
15. Голованова О.И. Об употреблении слова «экипаж» в деловой письменности XVIII века // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: сб. науч. тр. памяти З.М. Петровой (к 85–летию со дня рождения) / отв. ред. И.А. Малышева. – СПб.: Наука, 2007. – С. 148–152.
16. Голованова О.И. Следственное дело как свертхтекст // Духовная культура русской словесности: материалы XXIX науч.–практ. конференции. Тюмень, 24 мая 2006 г. / под общ. ред. акад. Н.К. Фролова: в 2 ч. – Ч.2. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – С. 54–59.
17. Голованова О.И. Архивные документы как источник изучения штатного состава Тюменского нижнего земского суда (1782–1796 гг.) // Документ в контексте универсальных практик (12–13 ноября 2007 г.). – Тюмень, – 2007. – С. 120–121.
18. Голованова О.И. «Рапортъ» и его функционирование в тюменском судопроизводстве второй половины XVIII века // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч.–практ. конференции, посвященной 75–летию доктора филологических наук,

- проф. Е.Н. Поляковой (г. Пермь, 27–29 ноября 2007 г.) / сост. О.В. Гордеева; отв. ред. Т.А. Сироткина. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, – 2007. – С. 82–87.
19. Голованова О.И. Слово «Экипаж» в тюменской деловой письменности XVIII века // Пространство слова: сб.ст., посвященный 75-летию М.А. Романовой / под ред. С.М. Беляковой. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, – 2007. – С. 115–122.
20. Голованова О.И. Методологические подходы к изучению скорописных документов XVIII века как лингвистических «массовых» источников // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: тр. и материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19–20 февраля 2008 г. в 2 ч. / Тюменская областная Дума; Тюменский государственный университет; Союз журналистов Тюменской области; Департамент образования и науки Тюменской области; под ред. О.В. Трофимовой. – Тюмень: Мандр и К^а, 2008. – Ч. 1. – С. 158–165.
21. Голованова О.И. Пространство документа и пространство в документе // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе: Сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Н. Эртнер. – Тюмень: Печатник, 2008. – С. 353–360.
22. Голованова О.И. Жанровая классификация следственных дел второй половины XVIII в. века // Скоропись XVIII в. – нач. XIX в. на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста: сб. ст. / под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. – С. 65–77.